

Чюрленис-композитор

Беседа с Витаутасом Ландсбергисом

Первый концерт из цикла Чюрлениса, проходящего в связи с выставкой работ литовского художника (см. «РМ» №4341), состоялся 7 ноября в аудитории музея Орсе: Программа была целиком составлена из фортепьянных произведений композитора, которые исполнил профессор Витаутас Ландсбергис, председатель литовского Сейма. Сейчас музыка Чюрлениса известна в основном благодаря его стараниям: В. Ландсбергис, еще будучи преподавателем музыкальной школы в Вильнюсе, начал исполнять фортепьянные пьесы Чюрлениса, печатать статьи о его музыке. Политическая деятельность «отца независимости» Литвы не помешала ему найти время, чтобы лично принять участие в открытии выставки и первом концерте.

Ландсбергис сказал вступительное слово, во время которого зал будто разделился на две половины — литовскую и французскую. Первая довольно бурно реагировала на шутки, изредка проскальзывавшие во вступительной речи, второй же пришлось довольствоваться французским переводом, явно не сохранившим тонкостей литовского юмора. Музыкальные произведения Чюрлениса сопровождался показом его живописных работ, которые тоже выбрал В. Ландсбергис — по его собственному признанию, «ни с кем не советуюсь». Тем не менее выбор оказался исключительно удачен: пьесы поразительно совпадали с картинами не только по настроению, но иногда даже по фактуре, линиям...

Любимым инструментом Чюрлениса был рояль — не случайно две трети его творческого наследия составляют фортепьянные пьесы. Это своего рода лирический дневник, где запечатлелись настроения и мысли композитора, неустанные поиски новых средств выражения.

Независимо от времени написания, всем сыгранным сочинениям были свойственны основные черты фортепьянного стиля Чюрлениса: в его музыке главенствует ощущение широких пространств (это связано с тем, что основным источником вдохновения Чюрленису служила природа), след-

ствием которого становятся широкие, рельефные мелодические линии, разбросанность фактуры, частые и неожиданные смены тональностей — как будто живописное сопоставление красок; внезапное чередование коротких фраз в отдаленных регистрах.

Ранние прелюдии, простые по фактуре, диатонически ясные, напоминают по стилю то Шумана, то Шопена. Например, прелюдия ор. 82а — этаким литовский вариант знаменитой шопеновской прелюдии до минор с ее ритмом похоронного марша. В концерте прозвучали и произведения зрелого периода, которые произвели наиболее отрадное впечатление: вариации «Sefaa sec», сыгранные Ландсбергисом с проникновенностью и техническим совершенством, которого трудно было ожидать от председателя парламента.

После концерта Витаутас Ландсбергис с профессорской обстоятельностью ответил на вопросы слушателей, в том числе и корреспондента «РМ».

— Кто оказал наибольшее воздействие на Чюрлениса — композитора и художника?

— Прежде всего на него непосредственно повлияли Вагнер и Рихард Штраус, но есть и более глубокое, опосредованное воздействие — это Бах и Бетховен. Но, разумеется, определяющими факторами, под воздействием которых формировалось творчество Чюрлениса, были природа и литовский фольклор, в особенности дайны.

Во время учебы в Лейпцигской консерватории, цитадели немецкой музыки, Чюрленис глубоко проникал ораториями Генделя, музыкой Листа и Вагнера. Из художников на него в наибольшей степени повлияли Беклин и Пювис де Шаванн.

— Мне кажется, есть некое противоречие между живописными работами Чюрлениса — воздушными, возвышенными, как картина «Думы» с ее парящими облаками, и его музыкой — приземленной, ровной, несколько отстраненной. Как бы вы это объяснили?

— Я не могу согласиться с такой характеристикой музыки Чюрлениса. В ней есть трепетность, полет. Кроме то-

го, современники композитора воспринимали ее как потрясение; это апокалиптическая, переворачивающая душу музыка, своего рода послание.

— Вы все время говорите о влиянии немецкого искусства на творчество Чюрлениса, но ведь он формировался в русско-польском культурном пространстве, не так ли?

— Разумеется. Он учился в Музыкальном институте в Варшаве, но и там в программах концертов преобладала немецкая музыка, прежде всего симфонии и симфонические поэмы Р. Штрауса и Малера.

— Не кажется ли вам, что Скрябин, наметивший пути синтеза различных искусств, сформулировавший и отчасти воплотивший идею цветомузыки в своем «Прометее», мог оказать воздействие на музыку Чюрлениса?

— Нет. Хотя известно, что Скрябин высоко оценил картины Чюрлениса, но литовский композитор, по-видимому, не слышал сочинений своего русского коллеги, как, впрочем, не слышал и Дебюсси, и развивал свои идеи совершенно независимо.

— Вы говорили, что Чюрленис рассматривал сонату как самую совершенную форму. Он предлагал применять эту форму в литературе, поэзии, создал несколько живописных сонатных циклов — «Сонату солнца», «Сонату лета» и другие. А есть ли у него собственно музыкальные сонаты?

— Инструментальных сонат он не написал — его творческий путь был совсем недолгим, но отражение этой формы есть в его симфонических поэмах «В лесу», «Море».

— Какое значение Чюрленис имеет для литовской культуры и для Литвы как государства?

— Можно сказать, что именно с Чюрлениса начинается возрождение национального искусства и рост интереса к нему. Что касается Литвы как государства, я думаю, что Чюрленис стоит у истоков борьбы Литвы за независимость. Поэтому значение Чюрлениса исключительно велико.

ДАРЬЯ МУДРОЛЮБОВА

Париж